

Методический аппарат прикладной социологии 20-х годов (проблемы репрезентативности исследований)

Ф. Э . Шереги

(Социологические исследования. 1978. № 1. С. 192–201).

От редакторов сайта: хотя проект [«Международная биографическая инициатива»](#) посвящен истории российской социологии постхрущевского периода, мы придаем большое значение исследованиям [советской социологии в дохрущовское время](#). Они важны в силу многих обстоятельств, но в данном случае укажем лишь на две принципиальные историко-наукovedческие проблемы, требующих глубокого анализа. Первая из них: «Каким образом советскими социологами осваивался опыт их предшественников, в какой мере он им знаком?» Вторая задача: «Что в действительности было потеряно советской социологией в 30-е – 50-е годы?». Статья Франца Шереги, опубликованная почти три десятилетия назад и потому сама ставшая частью истории современной российской социологии, в определенной мере помогает ответить на эти вопросы.

На нашем сайте размещены статьи Ф. Шереги о проведении [опросов общественного мнения](#) в СССР в 1960 – 1980-е годы и краткая [библиография](#) работ советских социологов, опубликованных в 1920 – 1930-е годы.

* * * *

Материалы социологических исследований 20-х годов – это богатый и нередко уникальный источник информации о социальных процессах, протекавших в нашей стране в период становления новой общественно-экономической формации, они исключительно интересны не только для социологов и историков, но и для представителей всего комплекса общественных наук.

Социальный заказ, определявший исследовательскую деятельность социологов 20-х годов, формировался в непосредственной связи с практической управленческой деятельностью партийных, советских и общественных организаций [1]. Большинство социологических исследований этого периода имело четко выраженную прикладную ориентацию [2].

Отсутствие опыта применения математических методов в социологии, низкие технические возможности обработки данных, естественно, сказывались на степени совершенства большинства методов исследования, в результате чего нередко делались ошибочные выводы и обобщения, допускались методологические неточности в интерпретации социологической информации [3].

Ученым, использующим статистический материал прикладной социологии 20-х годов, следует также иметь в виду, что большая его часть получена на основе выборочных исследований и требует оценки с точки зрения репрезентативности. Качество этого материала в существенной мере зависит и от состояния методического инструментария, использовавшегося в 20-е годы. В данной статье рассматриваются некоторые аспекты этих проблем.

Методы сбора информации

Социологи 20-х годов использовали методы сбора информации, которые широко применяются и в настоящее время. Одним из них являлся анкетный опрос. Он широко применялся в исследованиях кинозрителей при выявлении их отношения к постановке кинодела, к репертуару в целом, к отдельным фильмам [4]; в изучении бюджета времени школьников [5], быта рабочих [6] и др.

Несмотря на широкое применение анкетного метода, многие социологи сомневались в достоверности полученных с его помощью данных [7]. Дело в том, что низкий уровень грамотности населения был основным препятствием при использовании анкетного метода в исследованиях проблем села и бюджетов рабочих семей. Большим недостатком этого метода был также относительно высокий процент невозвращенных анкет. В исследованиях кинозрителей, например, он достигал 40–50%. Следовательно, для получения 1000 заполненных анкет необходимо было раздать их не менее 2000-2500 [8]. Иногда невозвращение анкет было обусловлено негативным отношением респондентов к анкетному опросу. Так, М. Бернштейн отмечает, что в ходе исследований эффективности общественной работы в школах приходилось сталкиваться с отрицательным отношением педагогов к анкетам, обычно связанным с опасением, как бы результаты опроса не отразились на их служебном положении [9]. Объем невозвращенных анкет был различным: в исследованиях молодых читателей он составил 76% (распространено 600 анкет) [10], в исследованиях труда и быта партийного актива – более 60% (всего было роздано 1340 анкет) [11], а в исследовании читателей профсоюзных библиотек – 90,2% [12].

Второй недостаток анкетного метода – вынужденное сокращение числа поступивших анкет, что было связано, в частности, с субъективным подходом активистов, помогавших осуществлять анкетирование. Опрашивающий, пытаясь, выразить ответы респондентов более грамотно, по сути дела стандартизировал их, а это вело к тому, что последние фактически выражали мнение опрашивающего. Например, такой была ситуация при изучении общественной нагрузки пионеров, где часть анкет детям помогали заполнять вожатые. В результате ответы изобиливали трафаретными фразами, занятия в течение дня у всех пионеров отряда были описаны одинаково, между тем как листки, заполненные самими пионерами, были «весьма красочны и полны живым содержанием...» [13].

Причиной выбраковки анкет являлось и неверное определение границ объекта исследования, когда опрашивали людей, не подлежащих опросу согласно программе. Так, в исследовании рабочих-подростков после выбраковки анкет, заполненных респондентами старше 18 лет, в обработку попал массив на 12,5% меньше, чем поступивший [14]. Нередко обрабатывалась лишь часть анкеты, а отдельные вопросы, на которые либо не ответили, либо ответили заведомо неверно, опускались [15]. Например, в исследовании, проведенном Б. Коганом и М. Лебединским, пришлось опустить обработку бюджетной части, так как абсолютное большинство обследуемой молодежи проживало с родителями и не могло дать ответ на вопросы о расходах на квартиру, питание, одежду и т. д. [16].

Для сокращения числа подобных ошибок при анкетном опросе многие исследователи предлагали предварительно информировать респондентов о задачах исследования, создавать благоприятные условия для заполнения анкет [17].

Важным методом сбора информации в методическом арсенале социологов 20-х годов было неформализованное и стандартизированное (как индивидуальное, так и групповое) интервью. Оно широко применялось при изучении детского кинозрителя [18], читателей

[19], бюджетов семей [20], бюджетов времени [21] и т. д. Интервью считалось более точным методом, чем анкета. Метод интервьюирования был широко разработан П. Люблинским, который, ссылаясь на американских авторов, упоминает о 86 различных технических приемах ведения интервью с учетом индивидуальных особенностей респондента [22]. По его мнению, интервью- это на 50% наблюдение.

В исследованиях кинозрителей, считал А. Трояновский, анкетный метод и интервью применимы лишь тогда, «когда изучается грамотный в своем большинстве зритель. В противном случае приходится с той же целью использовать организуемые достаточно часто суды, беседы, просмотры и экскурсии в кинотеатры и прочее» [23]. Поэтому социологами использовались такие методы, как учет входных билетов, которые либо группировались контролером при входе - в исследованиях посещаемости, либо опускались зрителями в специальные ящики после окончания сеанса - в исследованиях их отношения к фильму, и хронометрированное наблюдение реакций в зрительном зале при изучении «доходчивости» фильма [24].

Метод наблюдения за реакциями зрителей применялся часто, однако он имел ряд недостатков. Так как разные зрители реагировали на один и тот же эпизод по-разному, запись их реакций проводилась не менее чем на пяти сеансах, чтобы для каждого момента установить основную реакцию. Результаты наблюдения изображались графически. Было замечено, что наблюдатели нередко выдают свои личные переживания за реакцию зрительного зала [25]. Для устранения этого сравнивались графики, составленные несколькими наблюдателями. Этот метод часто применялся в исследованиях читателей деревенских библиотек. Как правило, наблюдение проводилось по единой методике, в которой были указаны: срок наблюдения (до 3 месяцев), количество читателей, подлежащих наблюдению одним библиотекарем (5–7 чел.), их категории (по полу, возрасту и т. д.) [26]. Исследователи указывали на несовершенство этого метода: во-первых, было трудно соотнести спрос на книги с книжным фондом библиотеки, во-вторых, многие карточки приходилось изымать из обработки, так как часть библиотекарей субъективно подходила к определению социальной принадлежности читателей, что требовало дополнительного уточнения последней.

В прикладных исследованиях бюджетов времени особенно широкое распространение получила хронокарта, к которой предъявлялись следующие требования: она должна давать представление как о величине затрат времени, так и о часе дня (начало и конец действия); предусматривать степень точности и подробность регистрации времени; быть максимально экономной, наглядной, портативной. Трудности, связанные с использованием хронокарт, особенно часто возникали при изучении бюджета времени детей [27]: их нужно было заинтересовать исследованием; дети до 11–12 лет не умели ориентироваться во времени и делать его расчеты; отсутствовала возможность пользоваться часами; часть расхода своего времени дети скрывали, не всегда правильно заполняли хронокарты или не полностью возвращали их. Так, из обработки исключались хронокарты с противоречивыми данными; не учитывались хронокарты, если количество незаполнений превышало 16-20% учитываемого времени и т. д.).

В исследовании бюджета времени взрослого населения основные трудности были связаны с невозвратом или незаполнением хронокарт. Обычно задавался некоторый «предел» незаполнения, который был значительно меньше, чем в исследованиях бюджета времени детей (напри мер, 3–4%). В рамках допустимого незаполнения вводился новый показатель – «нераспределенное время», если же хронокарта содержала «перебор» времени, то оно уменьшалось за счет таких показателей, как «дневной отдых» и т. д. [28].

Для повышения качества заполняемости хронокарт проводилась предварительная тренировка респондентов. Например, для проведения самофотографии недельного бюджета времени студентов Казани, была осуществлена их двухдневная тренировка: они заполняли «холостые» хронокарты, результаты которых, как правило, не обрабатывались. После самофотографии времени студентов (195 чел.) годными для обработки были признаны 75,4% хронокарт [29]. При изучении бюджета времени подростков одной из школ Московской области 86% возвращенных карт были пригодными для обработки, однако возврат их составил всего 61% [30].

В связи с тем, что многие проблемы в условиях новых социальных отношений исследовались впервые, социологи 20-х годов обычно отработывали методический инструментарий путем проведения пробных исследований [31].

Наряду с перечисленными методами сбора первичной информации социологами и социальными психологами тех лет использовались эксперимент [32], сбор отзывов на прочитанные книги [33], изучение восприятия детьми фильма при помощи анализа их сочинений [34], анализ материалов газет и журналов о сектантстве [35], тестирование в рамках педагогических исследований (хотя о целесообразности их применения в тот период шла острая дискуссия) [36] и др.

В ряде исследований применялся комплекс методов. По мнению А. Трояновского, «комплекс методов гарантирует нам максимальную точность выводов, а следовательно, повышает ценность всей проводимой работы» [37]. Среди комплексных методов в СССР наиболее широко применялся монографический метод. Его использовали для изучения «уклада крестьянского хозяйства», развития предприятия [38], кооперации [39], но в первую очередь «сельскохозяйственного быта» [40]. При изучении бюджетов крестьянских хозяйств монографический метод являлся наиболее эффективным среди четырех применявшихся: «краткая подборка», «расширенная подборка», «бюджеты» и, наконец, подробнейшее монографическое описание отдельного хозяйства, его истории и «агрономически-бытового» состояния. История крестьянского хозяйства изучалась с целью выявления изменений его структурных элементов, а также установления причин этих изменений и охватывала период в несколько лет [41]. Попытка построить динамику крестьянских бюджетов на основе воспоминаний крестьян, предпринятая С. Струмилиным, была подвергнута справедливой критике [42]. А. Хрящева отмечала, что при опросе крестьянина о бюджетах прошлых лет (1917–1920 гг.) фиксируется, как правило, не реальное явление, а субъективное представление о нем. Кроме того, сведения, даваемые крестьянами, могли быть заведомо неверными и по внешним причинам. Например, в данных переписи крестьянских хозяйств в 1920 г. имелись значительные ошибки смещения, так как в условиях продрозверстки крестьянство не было склонно к выявлению своих материальных ресурсов [43].

По мнению А. Говорова, «полная монография» заключается в длительном (в продолжение 12 месяцев) и пристальном наблюдении данного хозяйства, «причем, желательно неотлучное присутствие исследователя в пределах хозяйства и хозяйствующей семьи» в течение всего периода наблюдения [44]. Программа монографического исследования включала следующие вопросы: история поселка, характеристика семьи по национальному, возрастному, численному, физиологическому, статусному и санитарному признакам; отдаленность полей от усадьбы и водоемов; описание рельефа и почв; наличие земли - арендованной или надельной; история хозяйства; его специализация; наличие в нем побочных ремесел; характеристика труда, применяемого в хозяйстве; наличие наемного труда; отношение к ребенку, его воспитание; взгляды хозяина на обучение своих детей в школе; элементы домашнего быта; одежда; досуг; бюджет; наличие задолженности; время

и место сбыта продуктов; наличие торговых навыков; процент налогов к общему доходу; взгляды на борьбу с засухой, с сорняками; отношение к скоту и инвентарю; отношение к агрономической помощи, общинному быту, кооперативному движению, ведению хозяйства на коллективных началах; интеллектуальные свойства хозяина [45].

Из-за столь обширной программы монографическое наблюдение осуществлялось, как правило, одновременно на небольшом количестве объектов, причем их число не всегда было достаточным для того, чтобы делать обобщенные выводы на основании средних статистических показателей [46].

В начале 30-х годов практика применения методов статистики в монографических исследованиях (в особенности «средних величин») подверглась необоснованной критике со стороны представителей нового методического направления в монографических исследованиях – краеведения [47]. Последнее, как общественное движение, вытеснило начавшуюся в 20-е годы «тематическую профессионализацию» в изучении деревни [48] и привело к большому числу мелких исследований, проведенных на непрофессиональном уровне, несмотря на то, что краеведческие органы уже в 20-е годы начали издание серии исследовательских программ [49]. По сравнению с выборочными подворными обследованиями в краеведческих трудах преобладали экономические показатели, в ущерб социальным. Так, объектом в краеведческом исследовании был район, изучая который следовало собрать сведения о структуре населения, землепользовании и землеустройстве, полеводстве, луговодстве, огородничестве и садоводстве, скотоводстве, балансах района, промыслах, кооперации, частной торговле, ценах, налоге, расслоении, советском строительстве (райисполком, сельсовет, народное просвещение, здравоохранение, ветеринария, агропомощь, служба связи и т. д.) [50].

Учитывая небольшие масштабы объекта в монографических исследованиях, А. Говоров считал, что полученные результаты носят местный характер и что их полную достоверность можно доказать только после проведения повторных исследований [51]. Недоверие к результатам исследования было вызвано также относительно большим количеством ошибок смещения из-за неверных показаний респондентов или по вине интервьюеров. Например, при проведении опроса об источниках денежных доходов семьи расхождение с ответами в первоначальном исследовании (проведенном по полной анкете) составило 30% [52]. Чтобы избежать подобных искажений, некоторые социологи до начала исследования прибегали к опросу экспертов. Порой это давало, отличные результаты: «На большинство крестьян потрясающе действовало знакомство статистика хоть с каким-либо фактом из их жизни, они проникаются уважением к статистику, и степень достоверности даваемых показаний значительно повышается» [53]. Искажения информации возникали также, когда интервьюер требовал от «дающего сведения населения письменного удостоверения в верности сообщенных данных» [54]. Кроме этих причин качество исследований порой ухудшалось из-за плохо разработанной программы [55] и отсутствия четкой координации исследований [56]. Несмотря на эти трудности, методика сбора социологической информации позволяла проводить серьезные прикладные исследования на высоком уровне.

Выборочный метод. Проблемы репрезентативности

Требования оперативности исследований и стремление провести их с минимальными затратами привели к тому, что в прикладной социологии 20-х годов выборочный метод получил широкое распространение. Однако в правомерности выводов на основе выборочных данных сомневались как отдельные социологи, так и респонденты. Поэтому ряд исследователей считали важным объяснить суть выборочного метода респондентам,

чтобы рассеять их сомнения в представительности информации, полученной от небольшой группы людей. Например, в опубликованном и распространенном до начала обследования бюджетов воззвании Совета профсоюзов Украины к рабочим и служащим республики говорилось, что «опросить всех рабочих нашей республики невозможно. Это потребовало бы слишком много времени и средств. Но такой сплошной опрос, как показывают научные данные, и не нужен. Достаточно опросить по выбору разные группы рабочих и служащих, семейных и одиноких, женщин и мужчин, квалифицированных и неквалифицированных, семьи с одним кормильцем и те семьи, где работников двое – трое и т. д.» [57].

Не все исследования 20-х годов носили выборочный характер. Ряд проблем изучался с помощью анализа материалов или статистического отчета, т. е. практически на основе результатов сплошного обследования [58], проводились всесоюзные исследования, в которых опросу подлежала основная масса обследуемых [59].

Хотя социологи редко обосновывали величину выборки, они единодушно придерживались мнения, что она должна быть достаточно большой, чтобы делать на ее основе статистические выводы. Однако даже всесоюзные исследования не всегда опирались на достаточно большие выборки. Например, исследование инженеров горной промышленности проводилось на выборке величиной всего 3293 чел. [60]. При изучении миграции крестьянского населения было обследовано 77 млн. чел. (69% от общего числа крестьян в стране), но выводы базировались на результатах обработки всего 4247 анкет, заполненных волисполкомами «на основании имеющихся данных о размерах отхода на заработки из данной волости или при отсутствии таковых путем созыва председателей сельсовета и опроса их» [61]. Аналогично было проведено всесоюзное исследование работы общеобразовательных школ среди населения, выводы которого базировались на данных 1833 анкет, поступивших из 629 школ 69 областей и губерний [62].

В отдельных исследованиях доля выборочной совокупности в генеральной была незначительной. Так, при изучении социально-гигиенического состояния донской деревни было обследовано гнездовым способом 3339 хозяйств, что составило лишь 2,7% от общего числа хозяйств Донского округа [63].

Особенность выборочных исследований в 20-е годы заключалась в том, что несмотря на имеющийся опыт применения математических методов в организации выборки земскими статистиками в России [64] выводы этой теории не использовались социологами ни для определения величины выборки, ни для вычисления ошибок репрезентативности. Теория выборки в этот период разрабатывалась в основном математиками и статистиками. Так в 1924 г. в Саратове вышла книга А. Ковалевского «Основы теории выборочного метода», в которой подробно рассмотрены вопросы стратифицированной выборки с учетом дисперсии признака в стратах. Позже В. Старовский изложил математические основы большинства видов выборки, в том числе и двухступенчатой [65]. В своей статье «Современное состояние теории корреляции» В. Романовский ознакомил читателей с формулой и принципами нахождения средней квадратичной ошибки в гнездовом отборе с учетом внутрignetздовой корреляции [66]. Однако первые попытки применения математических методов выборки в прикладной социологии мы находим только в работах по социально-гигиеническим исследованиям [67].

В 20-е годы был распространен целенаправленный отбор «типичного» объекта, а также отбор методом квот (с соблюдением пропорций по ряду признаков). Обоснование типичности обследуемого объекта осуществлялось по наиболее важному признаку. Так, при изучении рабочих Украины в 1925–1927 гг. обследованию подлежали только горняки, металлисты, химики, пищевики, печатники, которые составляли 2/3 пролетариата

республики. Выборка проводилась следующим образом: внутри отрасли отбирались представители основных профессий, которые, в свою очередь, группировались по квалификационным разрядам (высший, средний, низший) [68].

Применение типологического отбора резко сокращало объем выборочной совокупности. Например, исследование села часто базировалось всего на одном объекте, выбираемом с учетом его типичности: (1) «для большого количества районов южной зерновой зоны» [69], (2) «для бывших центральных губерний России» [70] и т.д. Целенаправленный отбор объектов применялся в исследованиях бюджетов в том случае, если выборка была мала и неоднородна. В исследовании бюджета иркутских рабочих, например, выборка из 218 семей (283 работника) состояла из работников 11 отраслей и служб, каждая из которых была представлена в выборке от 15 до 50 человек [71]. К целенаправленному отбору объектов прибегали и в ряде других исследований [72].

Хотя типологическая выборка и была наиболее распространенной в социологических исследованиях 20-х годов, однако по ряду причин она уже в то время подвергалась критике методологов. А. Хрящева справедливо выражала сомнение в правомерности распространения выводов об одном небольшом «типичном» объекте на другие [73]. Она считала более эффективным проведение исследований на базе многоступенчатой выборки, для реализации которой при изучении динамики крестьянских хозяйств рекомендовалось «заранее наметить районы, отличающиеся друг от друга по внешним экономическим условиям... или по внутрихозяйственным... Само собой разумеется, что границы этих районов, как и суммы их, могут не совпадать с границами губерний, уездов, округов, что при наблюдении совершенно не существенно» [74]. Многоступенчатые выборки, как правило, применялись либо во всесоюзных исследованиях, либо в исследованиях объекта с большой территориальной протяженностью [75].

В 20-е годы социологами использовались также гнездовая [76] и механическая [77] выборки.

Несмотря на неотработанность выборочного метода в прикладных исследованиях 20-х годов, социологи того времени строго подходили к определению репрезентативности исследований, придавая этому первостепенное значение. Большинство их считало своей обязанностью при публикации результатов знакомить читателя с источниками смещений, влияющих на репрезентативность приводимых данных, полагая, что «ценность и целесообразность всякого обследования находится в прямой зависимости от степени достоверности добываемых результатов» [78]. Некоторые социологи видели гарантию достоверности ответов респондентов в анонимности опроса [79].

Одним из источников возможных ошибок смещения был неправильный выбор времени проведения исследований, так как иногда это приводило к несопоставимости результатов. Поэтому социологи подробнейшим образом указывали на время проведения исследования [80]. Влияние времени учитывалось и при исследовании бюджетов рабочих семей [81].

Большое значение придавалось статистической значимости величины выборки. Например, при исследовании покупателей книжных киосков на предприятиях металлургической промышленности авторы исключили из обработки анкеты подсовкупности покупателей – работников, мотивируя это тем, что «43 женщины при 1307 мужчинах – цифра, не дающая права для сколько-нибудь обоснованных сопоставлений» [82].

В ряде случаев для проверки репрезентативности данных прибегали к опросу экспертов [83], проводили исследования по единой программе [84], сопоставляли некоторые показатели в выборке с аналогичными показателями в генеральной совокупности [85].

Социологи 20-х годов придавали важное значение обоснованности распространения выводов, полученных на базе выборочного исследования, на генеральную совокупность. Для этого они часто прибегали к сравнению результатов аналогичных исследований, проведенных в стране или за рубежом [86], составлению динамических рядов сопоставимых статистических данных за ряд лет (например, результаты медосмотров–1924, 1925 и 1926 гг.) [87], сравнению с данными различных организаций [88], проведению повторных обследований [89].

Подводя итоги, нужно отметить, что в целом методический аппарат прикладной социологии 20-х годов обеспечивал выполнение задач, стоявших перед исследователями, давал возможность собирать качественную статистическую информацию об имевших место в стране социальных явлениях и процессах. Эти данные служили основой не только для принятия решений государственными и общественными органами, но и для разработки социологических теорий среднего уровня по проблемам труда [90], молодежи [91], семьи [92] и т.д. Глубокое и всестороннее изучение опыта советской прикладной социологии 20-х годов внесет большой вклад в дело развития ее традиций.

Литература

1. *Соскина А. Н.* История социальных обследований сибирской деревни в 20-е годы. Новосибирск, 1976; *Арутюнян Ю. В.* Опыт социологического изучения села. М., 1968.
2. См.: *Миц Л. Е.* Время. – В кн. «Быт, время, демография». Информационный бюллетень ССА. М., 1968, ч. II, № 14, с. 5; *Блинов И. М.* Социологические исследования труда и воспитания молодежи 20-х годов. – «Социологические исследования», 1975, № 1, с. 149.
3. См. *Чагин Б. А.* Очерки истории социологической мысли в СССР. Л., 1971.
4. *Трояновский А. В., Егиазаров Р. И.* Изучение кинозрителя. М.–Л., 1928, с. 50, 51; *Гельмонт А. М.* Изучение детского кинозрителя. М., 1933, с. 40–44.
5. *Мевзос Г. М.* К вопросу о нагрузке пионера. Хабаровск, 1925, с. 11.
6. *Коган Б. Б., Лебединский М. С.* Быт рабочей молодежи. М., 1929, с. 9.
7. См.: *Дубинская И. Н.* Бюджеты рабочих семей на Украине в '1925–1927 гг. Харьков, 1926; *Трояновский А. В., Егиазаров Р. И.* Указ. раб.; *Люблинский П. И.* Методика социального обследования детства. М.–Л., 1928; *Фридьева Н., Валика Д.* Изучение читателя (Опыт методики). М.–Л., 1928.
8. *Трояновский А. В., Егиазаров Р. И.* Указ. раб., с. 50.
9. *Бернштейн М. С.* Что школа делает для населения. [Результаты всесоюзного обследования. М., 1927, с. 19–21.
10. *Переpletчикова Л. С.* Читающая молодежь города. М.–Л., 1932, с. 14.

11. *Рохлин Л. Л.* Труд, быт и здоровье партийного актива. М., 1931, с. 16.
12. «Что читает рабочая молодежь». М., 1930, с. 7.
13. *Мевзос Г. М.* Указ. раб., с. 12.
14. *Зайцев В. А.* Труд и быт рабочих подростков. М., 1926, с. 20.
15. См.: *Рохлин Л. Л.* Указ. раб., с. 16; *Коган Б. Б., Лебединский М. С.* Указ. раб., с. 113.
16. *Коган Б. Б., Лебединский М. С.* Указ. раб., с. 9.
17. *Дубинская И. Н.* Указ. раб., с. 24; *Большаков А. М.* Краеведческое изучение деревни. Л.–М., 1930, с. 35; *Люблинский П. И.* Указ. раб., с. 45.
18. *Гельмонт А. М.* Указ. раб., с. 24–44.
19. *Банк Б., Виленкин А.* Рабочий покупатель книги. Л., 1930, с. 9.
20. *Дубинская И. Н.* Указ. раб., с. 15; *Стопани А.* Нефтепромышленный рабочий и его бюджет. М., 1924.
21. *Струмилин С. Г.* Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922-1923 гг. М.–Л., 1924, с. 5.
22. *Люблинский П. И.* Ук. раб., с. 45, 66.
23. *Трояновский А. В., Егизаров Р. И.* Ук. раб., с. 10.
24. *Гельмонт А. М.* Ук. раб., с. 20, 21, 44–64.
25. См. *Трояновский А. В., Егизаров Р. И.* Ук. раб., с. 63, 64, 68.
26. *Банк Б., Виленкин А.* Крестьянская молодежь и книга (Опыт исследования читательских интересов). М.–Л., 1929, с. 9.
27. *Бернштейн М. С.* Как поставить учет бюджета времени нашей молодежи. М.–Л., 1925, с. 14, 15, 17, 36, 47, 58, 59.
28. *Михеев В.* Бюджет времени рабочих и служащих Москвы и Московской области. М.–Л., 1932, с. 10.
29. *Бурдянский И. М., Юровская М. А.* Рабочая нагрузка студента Татарского Коммунистического университета. Казань, 1926, с. 9, 10.
30. *Бухгольц Н. А.* Бюджет времени подростка.– В кн. «Бюджет времени школьника». М.–Л., 1927, с. 31, 32.
31. *Киржнер Д., Турубинер Б.* Труд и быт инженерно-технического персонала в горной промышленности. М., 1929, с. 7; «Опыт изучения социально-гигиенического состояния донской деревни». Ростов-на-Дону, 1925, с. 5; *Видревич Я.* Бюджет времени и зарплата специалистов. М., 1931, с. 3.
32. См.: *Бурдянский И. М., Юровская М. Я.* Ук. раб., с. 3; *Дунаевский Ф. Р.* Проблема профессионального подбора. Харьков, 1923.
33. См. «Как и для чего нужно изучать читателя», М., 1926, с. 4.

34. *Гельмонт А. М.* Указ. раб., с. 13.
35. *Клибанов А. И.* Классовое лицо современного сектантства. Л., 1928, с. 4.
36. «Тесты (Теория и практика)». Под ред. М. С. Бернштейна, П. П. Блонского, М. И. Зарецкого, А. А. Смирнова, А. М. Шуберта. Т. I - II. М., 1928.
37. *Трояновский А. В., Егуазаров Р. И.* Ук. раб., с. 95.
38. См. *Принцев Я. В., Котонин М. И.* Программа обследования положения наемного труда. Иваново – Кострома, 1926.
39. См. *Дейчман И.* Кооперация в деревне как она есть. Ростов-на-Дону, 1924.
40. *Говоров А. С.* Монографии крестьянских хозяйств. Самара, 1924, с. 7.
41. Там же.
42. *Хрящева А. И.* К вопросу о неправильных приемах исследования динамики крестьянского хозяйства. М., 1923, с. 27.
43. Там же, с. 26, 27.
44. *Говоров А. С.* Ук. раб., с. 45.
45. Там же, с. 48–53.
46. См., например: *Готов С. В.* Сергачская деревня. Нижний Новгород, 1929; «Как живет деревня. Материалы по выборочному обследованию Емецкой волости». Архангельск, 1925 и др.
47. См. *Большаков А. М.* Краеведческое изучение деревни. Л.–М., 1930, с. 26.
48. См.: *Росницкий П.* Лицо деревни. М.–Л., 1926; *Банк Б. В., Виленкин А. Я.* Деревенская беднота и библиотека. Л., 1927; *Шафир Я.* Газета и деревня. М.–Л., 1924; *Яковлев Я. А.* Деревня как она есть. М., 1923; «Материалы исследования кооперативного развития крестьянского хозяйства». Под ред. Ф. А. Цылько. Т. I, М., 1928; *Лежнев-Финьковский П. Я., Савченко К. Д.* Как живет деревня. М., –1925, «Крестьянское хозяйство степного села и его кооперирование». Одесса, 1924; «Крестьянское хозяйство на Мугани». М., 1926; «Лицо деревни в выборах Советов». Новосибирск, 1926 и др.
49. Например: *Попов С. И.* Как приступить к изучению волости или района. М., 1930; *Принцев Я. В., Котонин М. И.* Программа обследования положения наемного труда. Иваново-Кострома, 1926; «Программа экономических наблюдений и исследований в краеведческой работе», Кострома, 1924.
50. *Большаков А. М.* Ук. раб., с. 102–119.
51. *Говоров А. С.* Ук. раб., с. 45.
52. *Верменшев И., Гайстер А., Раевич Г.* 710 хозяйств Самарской деревни. М., 1927, с. 35.
53. Там же, с. 33.

54. *Хрящева А. И.* О приемах проверки данных сельскохозяйственных переписей. Н. Новгород, 1925, с. 4.
55. *Хрящева А. И.* К вопросу о неправильных приемах исследования динамики крестьянского хозяйства, с. 3.
56. *Трояновский А. В., Егиазаров Р. И.* Ук. раб., с. 95; *Бернштейн М. С.* Как поставить учет бюджета времени нашей молодежи, с. 9.
57. *Дубинская И. Н.* Ук. раб., с. 34.
58. См.: *Кабо Е. О.* Питание русского рабочего до и после войны. М., 1926; *Хлебцевич Е. И.* Массовый читатель и антирелигиозная пропаганда. М.–Л., 1927 и др.
59. См.: *Зайцев В. А.* Ук. раб.; *Мицу Л. Е.* Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М., 1925 и др.
60. *Киржнер Д., Турубинер Б.* Ук. раб., с. 8.
61. *Мицу Л. Е.* Ук. раб., с. 47, 48.
62. *Бернштейн М. С.* Что школа делает для населения, с. 25.
63. «Опыт изучения социально-гигиенического состояния донской деревни», с. 3.
64. См. «Вестник статистики», 1925, № 3, с. 259.
65. Старовский В. Н. Выборочный метод. – В кн. Боярский А. Я., Старовский В. Н., Хотимский В. И., Ястремский Б. С. Теория математической статистики. М.–Л., 1931, с. 87–128.
66. См. «Вестник статистики», кн. XX, 1925, № 1–3, с. 44–45.
67. См. *Булаев И. М.* Методика социально-гигиенических исследований. Томск, 1928, с. 25.
68. *Дубинская И. Н.* Ук. раб., с. 22–24.
69. *Арина А. Е., Котов Г. Г., Лосева К. В.* Социально-экономические изменения в деревне. М., 1939, с. 5.
70. *Шуваев К. М.* Старая и новая деревня. М., 1937, с. 5.
71. *Кац Я. Д.* Иркутский рабочий и его бюджет. Вып. 18. Иркутск, 1924, с. 3.
72. *Мицу Л. Е.* Как живет безработный. М., 1927, с. '13; «Опыт изучения социально-гигиенического состояния донской деревни», с. 8 и др.
73. *Хрящева А. И.* К вопросу о неправильных приемах исследования динамики крестьянского хозяйства, с. 6.
74. Там же, с. б.
75. См.: *Бернштейн М. С.* Что школа делает для населения, с. 21, 22; *Куркин П. И.* Московская рабочая молодежь. Вып. I. М., 1924, с. 3; «Как и для чего нужно изучать читателя». М., 1926, с. 9 и др.

76. См. *Коган Б. Б., Лебединский М. С.* Ук. раб., с. 1.1.
77. См.: *Банк Б. В., Виленкин А. Я.* Деревенская беднота и (библиотека, с. 7; *их же*, Рабочий покупатель книги. Л., 1926, с. 11, 12.
78. *Бернштейн М. С.* Зачем и как мы изучаем бюджет времени школьников.- В кн. «Бюджет времени школьников», с. 14.
79. *Рохлин Л. Л.* Ук. раб., с. 15, 16; *Коган Б. Б., Лебединский М. С.* Ук. раб., с. 11.
80. См. *Танаевский В. А.* Бюджет времени вятского студенчества. Вятка, 1925, с. 3.
81. См. *Кабо Е. О.* Питание русского рабочего до и после войны. М., 1926, с. 12.
82. *Банк Б. В., Виленкин А. Я.* Ук. раб., с. 16.
83. См. «Труд и досуг ребенка». Под ред. А. Гельмонта и М. Дурикина. М., 1927, с. 12.
84. См. *Танаевский В. А.* Ук. раб., с. 5.
85. См. *Киржнер Д., Турубинер Б.* Ук. раб., с. 8; *Рохлин Л. Л.* Ук. раб., с. 14.
86. См. *Каминская П. Д.* Женский труд. М., 1925.
87. См. *Кац Я. Д.* Труд и быт рабочих подростков Сибири. Новосибирск, 1927, с. 5.
88. См. «Опыт изучения социально-гигиенического состояния донской деревни», с. 5.
89. См.: *Андреев В. А.* Костромской текстильщик и его 'бюджет. Кострома, 1925; *Куркин Л. И.* Московская рабочая молодежь. Вып. 2. М., 1925; *Колотинский П. Н.* Опыт длительного изучения мировоззрения учащихся выпускных классов. Краснодар, 1929.
90. См.: *Заузолков Ф. Е.* К характеристике социального состава рабочего класса. М., 1925; *Рабинович А. И.* Об использовании рабочего времени. М.–Л., 1926; *Рашин А.* Женский труд в СССР. М., 1928 и др.
91. См.: *Шварц Г., Зайцев В.* Молодежь СССР в цифрах.
92. См. «Семья и брак в прошлом и настоящем». М., 1925.

* International Biography and History of Russian Sociology Projects feature interviews and autobiographical materials collected from scholars who participated in the intellectual movements spurred by the Nikita Khrushchev's liberalization campaign. The materials are posted as they become available, in the language of the original, with the translations planned for the future. Dr. Boris Doktorov (bdoktorov@inbox.ru) and Dmitri Shalin (shalin@unlv.nevada.edu) are editing the projects.